

пляромъ «Allgemeine Zeitung» за 1839 и 1840 годы, принадлежащимъ Императорской Публичной Библіотекѣ. Въ немъ нашлись и статья противъ Караджича, помѣщенная въ приложеніи къ № 257, отъ 14 сентября 1839 года, и анонимный отвѣтъ (приложеніе къ № 165, отъ 13 іюня 1840 г.) на нее, принадлежащій, какъ мы знаемъ, Копитарю (стиль замѣтки не противорѣчитъ этому). Страннымъ кажется только то обстоятельство, что «Allgemeine Zeitung» отъ 13 іюня н. ст. такъ поздно попала въ руки Юст. Михайловича (см. выше).

Считаю пріятнымъ долгомъ поблагодарить какъ г. Дормидонтова, такъ и администрацію Императорской Публичной Библіотеки за доставленіе мнѣ возможности разыскать нужныя статьи, которыя будутъ мною перепечатаны въ журналѣ «Летопис Матице Српске».

Казань,
24 октября 1913 года.

Н. Петровскій.

Три момента начальной исторіи русскаго христіанства: Игорь «Старый», Владиміръ Святой и Ярославъ Мудрый

(по поводу новаго изслѣдованія М. Д. Приселкова).

Вышедшая въ свѣтъ нынѣшней осенью книга приватъ-доцента Спб. Университета М. Д. Приселкова—«Очерки по церковно-политической исторіи Кіевской Руси X—XII вв.» (С.-Пб., 1913 года, цѣна 2 р. 50 к.) является однимъ изъ показателей возродившагося въ нашихъ научныхъ кругахъ интереса къ изслѣдованію различныхъ сторонъ жизни древнѣйшей Руси. Не останавливаясь со всею обстоятельностью на разборѣ этой интересной книги молодого и при томъ смѣлаго ученаго, мы хотимъ лишь здѣсь коснуться трехъ выдающихся моментовъ изъ жизни древнѣйшей Руси, имъ затронутыхъ и соприкасающихся съ предметомъ нашего изслѣдованія, опередившаго книгу г. Приселкова своимъ появленіемъ въ свѣтъ мѣсяца на $2\frac{1}{2}$ ¹⁾.

I.

Относясь съ рѣшительнымъ пренебреженіемъ къ «темнымъ рассказамъ или упоминаніямъ иностранцевъ» о христіанствѣ нашей Руси до

1) «Начало христіанства Руси. Очеркъ изъ исторіи Руси IX—X вв.», Полтава, 1913 года, ц. 1 р. 50 к.

средины X в., г. Приселковъ исторію христіанизаціи Руси начинаеть прямо съ Игоря, точнѣе — съ указаній извѣстнаго договора съ Византіей 945 г., которыя онъ признаеть первыми «несомнѣнными данными» для уясненія начальной исторіи русскаго христіанства. Но, не связавши данныхъ договора Игорева съ тѣми еще болѣе «несомнѣнными данными», которыя имѣются относительно начатковъ христіанства у Руси въ 860 гг.¹⁾, авторъ вынулъ у самого себя почву, на которой онъ могъ бы болѣе или менѣе успѣшно базироваться для подкрѣпленія заимствованнаго имъ у Е. Е. Голубинскаго положенія о склонности Игоря и «стоявшей у власти въ Кіевѣ» тогда «партіи» къ христіанству. Не говоря ничего о прецедентахъ въ дѣлѣ христіанизаціи Руси, авторъ тѣмъ не менѣе готовъ усмотрѣть въ текстѣ Игорева договора — ни больше, ни меньше какъ указаніе на переговоры Игоря съ Византіей относительно «выясненія пріемлемыхъ условій установленія іерархіи въ державѣ»²⁾ Игоря (стр. 6 и др.).

Къ сожалѣнію, эта смѣлая мысль автора совершенно имъ ничѣмъ не доказывается, а лишь высказывается, что лишаетъ ее характера научной гипотезы, подлежащей обсужденію. Въ виду этого по адресу автора приходится, въ отвѣтъ на его предположеніе, высказать лишь общія сужденія, устраняющія, думается, пріемлемость подобнаго утвержденія: во-первыхъ, имѣется рядъ русскихъ и иностранныхъ свидѣтельствъ о глубокомъ еще по существу язычествѣ Руси того времени³⁾; во-вторыхъ, авторомъ, какъ и Голубинскимъ, совершенно не дано объясненія, на чемъ же въ такомъ случаѣ выросли и расцвѣли яркія языческія симпатіи Святослава, если оба его родители и вся окружающая его среда были въ значительной степени христіанизированы; въ-третьихъ, Игорю даже предположительно невозможно приписывать заботы объ устроеніи на Руси правильной и опредѣленной церковной іерархіи, такъ какъ, — о чемъ рѣчь будетъ ниже, — и многіе изъ послѣдующихъ его преемниковъ не задавались вполнѣ ясно и опредѣленно подобнаго рода задачами (не говоримъ уже объ отсутствіи для такого рода предположенія какихъ-либо документальныхъ намековъ). Подчеркивая фактъ христіанской клятвы въ

1) Помимо русскихъ источниковъ, ихъ удостовѣряють византійскіе писатели: Фотій, продолжатель Теофана, Кедринъ, *Συνοψις χρονικῆς*.

2) Кстати, слово «держава», столь часто примѣняемое авторомъ къ нашей Кіевской Руси X—XI вв. намъ кажется совершенно неумѣстнымъ и несоотвѣтствующимъ истинному положенію вещей въ тогдашней Руси, — срв. въ упомянутой нашей книгѣ гл. IX и др.

3) См. въ упом. нашей книгѣ гл. XIII и др.

Константинополь послы Игоря, авторъ случайно приближается къ истинѣ: именно послы Игоревы, восточные иноземцы-посредники въ торговлѣ, имѣли въ своей средѣ христіанскій элементъ, болѣе или менѣе замѣтно выраженный, а не самъ Игорь и Кіевская Русь его времени¹⁾.

Въ ту пору, какъ и десятилѣтіями позже, при рѣшеніи религіознаго вопроса, полагаемъ, въ Кіевѣ играли бѣольшую роль не перипетіи международныхъ отношеній самухъ по себѣ и степень успѣха княжескихъ попытокъ къ установленію правильныхъ іерархическихъ отношеній, а прежде всего домашняя, мѣстная борьба двухъ партій—новой, княжеской, искавшей себѣ опоры за границую, и старой, многочисленной, вѣчевой, со всѣмъ, понятнымъ намъ, упорствомъ отстаивавшей свою старину вообще и въ связи съ этимъ боровшейся и противъ религіозныхъ новшествъ и сильно заставлявшей считаться съ собою князей. Съ этой точки зрѣнія, думается, естественнѣе всего уяснить вопросъ о характерѣ несомнѣнной религіозной борьбы въ Кіевѣ и степени распространенія здѣсь христіанства въ эпоху Игоря «Стараго»²⁾, Ольги и Святослава.

Думать иначе,—именно такъ, какъ г. Приселковъ, въ исторіи христіанизации Руси въ X вѣкѣ видящій прежде и больше всего исторію княжескихъ попытокъ къ установленію у насъ правильной и независимой церковной іерархіи и въ зависимость отъ такого или иного разрѣшенія этого вопроса—въ связи съ международными отношеніями того времени—ставящій успѣхи въ ту пору христіанства на Руси,—думать такъ—значитъ совершенно закрывать глаза на культурное состояніе Руси того времени и русскихъ князей X в. считать—еще до принятія христіанства—хорошо знакомыми съ положеніями каноническаго права. Противъ такой точки зрѣнія автора говоритъ не только вся извѣстная намъ исторія древней Руси, но и нѣкоторыя отдѣльныя детали изъ нея, отмѣчаемыя и авторомъ, но лишь своеобразно имъ толкуемыя: во-первыхъ, Ольга отказалась отъ предложеннаго Оттономъ епископа—по автору—потому, что онъ имѣлъ титулъ лишь епископа, а не архіепископа или митрополита (стр. 13),—но вѣдь взамѣнъ западнаго предложенія Ольга изъ Византіи не получила ничего³⁾, а епископъ Адалбертъ, по показаніямъ западнаго современника, ушелъ изъ Кіева не изъ-за переговоровъ объ іерархіи, а вслѣдствіе того антихристіанскаго настроенія,

1) См. упом. XIII гл. нашей книги, ср. въ работахъ Г. М. Бараца и др.

2) Какъ онъ называется Иларіономъ и Іаковомъ Мнихомъ,—полагаемъ, въ качествѣ родоначальника Кіевской княжеской династіи, см. въ гл. XII и др. нашей упом. книги.

3) См. въ нашей книгѣ гл. XVI.

которое — и по нашей летописи — сильно было тогда въ Кіевѣ; во-вторыхъ, Святослава якобы «манила Болгарія» «и какъ выгодное рѣшеніе для Руси церковнаго вопроса съ пріобрѣтеніемъ Болгарскаго патріархата» (15—16 стр.), — но эта догадка рѣшительно не примиряется со всѣми имѣющимися данными о Святославѣ, его личности и религиозныхъ симпатіяхъ и въ частности съ фактомъ недружелюбно-жестокато обращенія Святослава съ временно покоренными имъ Болгарами¹⁾ (онъ, думаемъ, ясно говоритъ противъ приписываемаго авторомъ Святославу намѣренія при помощи Болгаріи устроить церковныя дѣла въ Кіевѣ).

Г. Приселковъ вообще очень мало интересуется домашними, внутренними дѣлами и распорядками Руси; въ частности онъ минуется совершенно вопросъ о Руси Тмутараканской и возможности ея къ тому времени христіанизации²⁾, имѣвшей, конечно, значеніе и для христіанизации Руси Кіевской, и не останавливается на вопросъ о Кіевской церкви св. Іліи, лишь упоминая о ней вскользь. Последней, между прочимъ, оказалъ свое вниманіе въ нынѣшнемъ году проф. В. Г. Ляскоронскій въ своемъ новомъ изслѣдованіи, печатающемся (въ теченіе 1913 года) на страницахъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» подъ заглавіемъ — «Кіевскій Вышгородъ въ удѣльно-вѣчевое время».

Проф. Ляскоронскій высказываетъ свое сужденіе по вопросу о церкви св. Іліи, считая «страннымъ и маловѣроятнымъ» такое ея наименованіе въ честь второстепеннаго святого и предлагая исправить данное летописное названіе такъ, чтобы считать первую Кіевскую церковь храмомъ Гелги или Ольги³⁾. Но, не говоря уже о томъ, что существованіе этой первой церкви въ Кіевѣ врядъ ли можетъ быть связано съ Норманами и съ именемъ княгини Ольги⁴⁾, жившей — по крайней мѣрѣ въ христіанствѣ — во всякомъ случаѣ позже момента устроенія этой церкви, г. Ляскоронскій, — какъ и г. Приселковъ, — думаемъ, напрасно выпускаетъ въ данномъ случаѣ изъ вниманія связь Кіевского христіанства съ христіанствомъ Руси юго-восточной или Тмутараканской. Не распространяясь подробно по данному вопросу⁵⁾, мы хотимъ лишь дать по адресу проф. Ляскоронскаго объясненіе, почему первую Кіевскую церковь могли

1) См. показанія Льва Діакона въ его «Исторіи» въ гл. 6 и 8 — русск. перев. Д. Попова, Спб., 1820 г.

2) См. въ нашей книгѣ гл. VI.

3) См. майскую кн. «Ж. М. Н. Пр.» 1913 г., стр. 88—89.

4) Срв. XIII гл. и др. въ нашей книгѣ.

5) Отсылаемъ читателя къ нашей упом. книгѣ — гл. VI—IX, XIII и др.

вполнѣ естественно назвать и дѣйствительно назвали въ честь св. Іліи, и вмѣстѣ указать и г. Приселкову на оставленный имъ безъ вниманія важный источникъ Кіевскаго христіанства.

Сѣверо-западный уголь Кавказа и нижнее Подонье были, какъ извѣстно, мѣстами сильнаго въ ту пору проникновенія еврейскаго вліянія въ связи съ поселеніемъ здѣсь въ значительномъ количествѣ Евреевъ¹⁾, а съ другой стороны тутъ-же въ эту эпоху были оживленныя сношенія съ Византіей²⁾. Такимъ образомъ здѣсь, въ мѣстахъ поселенія среди Хазарь юго-восточной Руси, должно было естественно создаться сплетеніе еврейско-христіанскихъ воззрѣній, при нѣкоторыхъ пунктахъ соприкосновенія тѣхъ и другихъ легко перемѣшивавшихся воедино среди языческаго, малокультурнаго сравнительно, населенія, неспособнаго во всей полнотѣ усвоить догматику византійскаго христіанства. Это допущеніе тѣмъ правдоподобнѣе, что такого рода смѣсь іудейства и христіанства въ IX в. существовала въ странахъ и болѣе культурныхъ — въ Болгаріи и даже въ Византіи³⁾.

Возникшія въ Тмутараканской Руси христіанско-еврейскія представленія или скорѣе христіанство, не чуждое еврейскихъ наслоеній, легко изъ Тмутаракани попало въ Кіевъ, гдѣ и въ XI в. еще замѣтно было нѣкоторое релігіозное соприкосновеніе христіанскихъ массъ съ еврейскими сферами и сочетаніе іудео-христіанскихъ идей⁴⁾. А отсюда весьма нетрудно понять, почему вышедшіе изъ Хазаріи и Тмутараканской Руси первые кіевскіе христіане устроили у себя церковь въ честь ветхозавѣтнаго, еврейско-христіанскаго, такъ сказать, святого — пророка Іліи, который къ тому же и послѣ игралъ въ міровоззрѣніи русскаго славянства (какъ и на Кавказѣ) большую роль.

II.

Отвлечшись слегка отъ книги г. Приселкова (впрочемъ, скорѣе по буквѣ, а не по существу), мы снова къ ней возвращаемся, чтобы оста-

1) См. напр. въ I т. «Трудовъ 3 международнаго съѣзда ориенталистовъ», Спб., 1879—80 гг., ст. Е. Люценко—стр. 575—580; у К. Герца въ кн. «Археол. топографія Таманскаго полуострова», Москва, 1870 г., стр. 98—100 и—др.

2) О нихъ см. напр. въ ст. П. В. Голубовскаго въ іюльск. кн. «Кіев. Старины» 1888 г.—и др.

3) См. напр. данныя въ см. проф. И. И. Малышевскаго «Евреи въ южной Руси и Кіевѣ въ X—XII в.в.» въ «Тр. Кіев. Д. Акад.» 1878 г., ч. 3, стр. 433—434 и др.

4) Ibidem, 439—453, у Goetz'a въ его «Das Kiever Höhlenkloster»..., Passau, 1904 г., стр. 64 и др.

новиться на едва-ли не самомъ кардинальномъ вопросѣ всей книги. Это вопросъ объ іерархическихъ связяхъ новой русской церкви при Владиміръ Святѣмъ или—иначе—вопросъ о первоначальной зависимости Русской церкви отъ церкви Болгарско-Охридской. Это центральное мѣсто книги, въ которомъ наибольше проявилась самобытность сужденій автора, и къ нему авторъ многократно возвращается въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи, часто базируясь на немъ въ своихъ послѣдующихъ построеніяхъ.

Г. Приселковъ полагаетъ именно, что Владиміръ, не удовлетворенный Византіей и не склонившись въ сторону Запада, принялъ церковную іерархію отъ Болгарско-Охридскаго патріарха. Догадка остроумная,—она стоитъ въ связи съ несомнѣнными данными, говорящими о тѣсныхъ церковно-культурныхъ сношеніяхъ Руси съ Болгаріей въ эпоху X—XI вв. Бѣда лишь въ томъ, что у автора нѣтъ доказательствъ для подтвержденія этой любопытной догадки: нельзя-же серьезно говорить о такихъ *основныхъ* доказательствахъ этой мысли, какъ сходство христіанскихъ именъ Бориса и Глѣба съ именами тогдашнихъ болгарскихъ царевичей, или совпаденіе имени митрополита Іоанна, упоминаемаго въ житіи Бориса и Глѣба въ 20 г. XI в., съ именемъ тогдашняго Охридскаго архіепископа-патріарха (см. стр. 36—46). Подобнаго рода соображенія, дѣйствительно, косвенно говорятъ за церковныя связи въ то время Руси съ Болгаріей, но для подкрѣпленія гипотезы автора лишь въ томъ случаѣ могли бы имѣть значеніе, если-бы они являлись дополненіемъ къ болѣе существеннымъ и достовѣрнымъ даннымъ,—для построенія же цѣлой системы, положенной въ основу дальнѣйшихъ предположеній автора, они, конечно, негодны.

Затѣмъ, естественно является рядъ неразрѣшимыхъ вопросовъ и недоумѣній по данному предмету, разъ мы примемъ предположеніе автора о зависимости Русской церкви отъ Охридской въ эпоху княженія Владиміра и въ первое двадцатилѣтіе послѣ него. Изъ разсужденій автора совершенно неясно, почему Владиміръ долженъ былъ предпочесть Охриду Византіи. Для сильнаго и властолюбиваго князя Руси церковная зависимость отъ царственной Византіи была гораздо почетнѣе зависимости отъ слабой въ политическомъ отношеніи, добываемой тогда Греками Охриды; послѣ же завоеванія Болгаріи Византіей подобнаго рода зависимость была-бы для Кіевскаго князя и Руси уже прямо унижительной и непонятной. Ее еще можно было-бы кое-какъ допустить въ связи съ мыслью о тѣсной дружбѣ и добрыхъ союзническихъ отношеніяхъ Руси съ Болгаріей за эту эпоху. Но авторъ самъ не видитъ возможности предположить существованіе такого союза, за рѣшительнымъ отсутствіемъ данныхъ къ тому и въ виду, наоборотъ, наличности свѣдѣній относительно полного

невмѣшательства Руси въ происходившій какъ разъ въ это время разгромъ Византіей Болгаріи. Въ этомъ скорѣе слѣдуетъ усмотрѣть благопріятствованіе со стороны Кіева не Охридъ, а Константинополю (срв. стр. 46—48, 55—59 и др.).

Наконецъ, авторъ рѣшительно сокрушаетъ самъ свою гипотезу, когда вдругъ, совершенно для насъ неожиданно, изъ слова «О законъ и благодати» дѣлаетъ выводъ, что «время Охридской іерархіи—время тяжелой зависимости русской церкви», что «завоеваніемъ Болгаріи открылось для нашей церкви время свободы и истины», что «у насъ ждали гибели Болгарскаго царства, какъ наказанія ему за угнетеніе церковное, какъ возможность объявленія себя свободными» (стр. 97 и др.). Въ чемъ же дѣло? Зачѣмъ же Владиміръ вмѣсто могучей тогда и славной Византіи, сіявшей свѣтомъ великой имперіи, отдалъ Русь въ тяжелую церковную неволю разсыпавшемуся Болгарскому царству и почему ни онъ, ни его сыновья не сумѣли или—скорѣе—прямо не захотѣли покончить съ этимъ печальнымъ недоразумѣніемъ?

Говоря проще, зачѣмъ автору въ такомъ случаѣ понадобилось весь этотъ огородъ городить? Охрида вѣдь, выходятъ, закабалила Русь въ тяжкую церковную неволю и взаменъ того ничего не дала, т. е. дала ту-же простую епископію, въ которой, конечно, не могла отказать обширной Руси и Византія и которую предлагалъ еще Ольгъ Оттонъ. Въ чемъ же все-таки было преимущество Охридской іерархіи для Руси предъ Византійской? Авторъ не разъяснилъ.

Въ чемъ же однако г. Приселковъ въ данномъ случаѣ нѣсколько приближается къ истинѣ, намекъ на которую можно все-же находить въ черезчуръ сложной, обдѣланной имъ, разрисованной и переработанной въ цѣлое лабиринтообразное зданіе, системѣ «охридскихъ» порядковъ на Руси? Думается, въ томъ, что умный Владиміръ искусно лавировалъ между Востокомъ и Западомъ, во многомъ пользовался услугами славянской Болгаріи, но слишкомъ рѣшительно и опредѣленно не разрѣшалъ сложнаго іерархическаго вопроса, пока это было возможно. Конечно, Кіевъ стоялъ въ іерархической зависимости отъ Византіи, откуда и миссіонеры пришли къ Владиміру, и явилась жена его Анна; но Владиміръ, какъ видно изъ лѣтописныхъ данных¹⁾, пользуясь соперничествомъ Византіи и Рима, смогъ сохранить Русь отъ крайняго проявленія вмѣшательства греческаго духовенства въ русскія дѣла. Слишкомъ много тогда

1) Имѣю въ виду показанія лѣтописей о связяхъ Владиміра съ западными государями и сообщенія Никоновской лѣтописи о частыхъ сношеніяхъ его съ Римомъ,—срв. также извѣстіе о Брунонѣ Кверфуртскомъ.

было дѣла по крещенію разбросанныхъ и разрозненныхъ русскихъ племенъ, чтобы сразу же спѣшить съ установленіемъ въ Кіевѣ митрополіи.

И только,—быть можетъ, въ данномъ случаѣ авторъ и правъ,—въ концѣ княженія Владиміръ сталъ склоняться въ сторону Византіи рѣшительнѣе и готовъ былъ—призналъ благовременнымъ—болѣе опредѣленно разрѣшить вопросъ объ іерархической зависимости Кіева отъ Византіи (ср. у автора стр. 56—59 и др.). Борьба въ семьѣ Владиміра, дѣйствительно, врядъ-ли стояла совершенно въ сторонѣ отъ вопроса о церковныхъ отношеніяхъ съ Византіей, и недаромъ-же Святополкъ опирается на Западъ и западное духовенство въ борьбѣ съ «византійцемъ»—Борисомъ, при чемъ отмѣчаемое авторомъ сочувствіе Кіевлянъ Святополку нужно, видимо, отнести въ значительной степени за счетъ недружелюбія ихъ къ идеямъ византійскаго монархизма.

III.

Какъ-бы то ни было, авторъ въ послѣдующемъ изложеніи правъ, относя установленіе Кіевской митрополіи къ 1037 г. Этотъ годъ слишкомъ прочно и опредѣленно въ этомъ смыслѣ отмѣченъ лѣтописями. Но, вопреки автору, мы думаемъ, что причиною установленія теперь именно митрополіи было происшедшее измѣненіе въ положеніи русской церкви—въ смыслѣ достаточнаго—лишь къ этому времени—распространенія христіанства на Руси. Въ данномъ случаѣ, полагаемъ, сообразнѣе съ общимъ ходомъ дѣлъ тогда на Руси и степенью способности тогдашней Руси къ воспріятію христіанства отдать предпочтеніе не «Слову о законѣ и благодати», какъ это дѣлаетъ авторъ, а показанію лѣтописи: больше тенденціозности намъ слышится въ панегирическомъ заявленіи «Слова» о громаднхъ успѣхахъ христіанства при Владимірѣ, чѣмъ въ вполнѣ правдоподобномъ указаніи лѣтописи, что, соотвѣтственно обычному закону постепенности и естественному ходу медленнаго усвоенія малокультурной сравнительно, разбросанной и разрозненной тогда Русью христіанства, только въ дни Ярослава на Руси «умножишася прозвутери и людье хрестьянстии» и «нача вѣра хрестьяньска плодитися и раширяти»¹⁾.

Далѣе, думаемъ, авторъ неправъ, отрицая извѣстное отношеніе «Слова о законѣ и благодати» къ значительной тогда роли въ мѣстной жизни

1) См. въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 6545 г., по изд. Археогр. Комм., Спб., 1872 г., стр. 149 и 148.

кіевскаго еврейства¹⁾, и совершенно фантастичень, усматривая въ этомъ «Словѣ» картину «охридскихъ» порядковъ въ русской церкви, но правдоподобень, говоря о недовольствѣ Ярослава Грекомъ Теоцемитомъ и о связи церковныхъ дѣлъ съ войной 1043 г.

Мы не можемъ, затѣмъ, слѣдовать за догадкой автора, будто Иларіонъ въ 1051 г. былъ только предъизбранъ въ митрополиты до окончанія переговоровъ съ Византіей о санкціонированіи этого постановленія Иларіона (стр. 110 и др.) и затѣмъ послѣ неудачи названныхъ переговоровъ удалился съ митрополіи и превратился въ Никона—игумена и лѣтописца. Не касаясь необоснованной сколько-нибудь прочно гипотезы—простой догадки о тождествѣ Иларіона и Никона, мы укажемъ лишь, что при подобномъ объясненіи Кіевскаго акта 1051 г. въ немъ пропадаетъ всякій смыслъ и значеніе, ослабляется смыслъ и значеніе и идеи, вложенной въ «Слово о законѣ и благодати»²⁾; наконецъ, незачѣмъ тогда было и говорить о поступкѣ Ярослава 1051 г., что совершить его «Богъ князю вложи въ сердце»³⁾,—такъ ничтоженъ, безъидеенъ и лишенъ опредѣленной цѣли онъ. Непослѣдователень тогда и взглядъ автора на церковныя перемѣны, связанныя съ событіями 1051 г. (срв. стр. 201 и др.).

Въ кіевскомъ церковномъ актѣ 1051 г. мы склонны видѣть рѣшительную попытку Кіевской княжеской власти, послѣ 60 лѣтъ—явно замѣтнаго при Ярославі, какъ и при Владимірѣ—лавированія между Западомъ и Востокомъ, въ виду нежеланія склонять свою выю надъ нго и того и другого, разрубить, наконецъ, Гордіевъ узелъ, устроивши свою самобытную церковь, вполне автокефальную. Изъ этого поступка сильнаго политически къ концу дней своихъ Ярослава мы видимъ, какъ и въ половинѣ XI в. плохо разбирались въ канонически-іерархическихъ вопросахъ наши князья, а въ томъ фактѣ, что по смерти Ярослава снова пришелъ въ Кіевъ изъ Византіи митрополитъ—Грекъ и что Ярославичи такъ подѣлили русскія земли, что всѣ епископы оказались на землѣ одного лишь изъ нихъ (срв. стр. 116—117) и что съ этимъ фактомъ они мирились долгое время,—мы видимъ религіозно-церковный индифферентизмъ сыновей Ярослава, отсутствіе въ нихъ большого, самодовлѣющаго интереса къ церковнымъ дѣламъ. Но и послѣ Ярослава продолжалась борьба восточно-Византійскаго и западнаго теченій

1) См. выше указанія на Малышевскаго и Гетца.

2) Написанное, кстати сказать, по нашему мнѣнію, позже 1043 года (срв. 98—99 стр.).

3) Лаврент. лѣтопись 5559 г., упом. изд. стр. 152.

въ церковной жизни Руси, борьба, которая втягивала въ себя и духовенство¹⁾, и князей и, между прочимъ, показываетъ, насколько авторъ разбираемаго изслѣдованія неосторожно приписалъ нашимъ князьямъ еще X в. глубокой интересъ къ правильному и определенному разрѣшенію канонически-іерархическихъ вопросовъ, относительно которыхъ и князья XI в. проявляли много безпечности и непониманія.

Дальше мы пока за авторомъ не послѣдуемъ. Считаемо необходимымъ отмѣтить, что послѣднія пять главъ изслѣдованія г. Приселкова, по нашему мнѣнію, интереснѣе и убѣдительнѣе въ общемъ тѣхъ первыхъ двухъ главъ, которыя мы прежде всего тутъ имѣли въ виду; однако и въ послѣдующихъ главахъ очень ужъ много гипотезъ и догадокъ, порою необоснованныхъ. Сдѣлаемъ лишь общія замѣчанія. Авторъ слишкомъ слѣподогматически, безъ обсужденія, принимаетъ всѣ гипотезы А. А. Шахматова, имѣющія у послѣдняго иногда значеніе лишь временное, скоропреходящее, и оттого гипотетическія построенія и предположенія г. Приселкова дѣлаются еще болѣе непрочными. Не безупреченъ иногда и стиль автора. Но все же новая книга г. Приселкова, конечно, не лишена значительнаго научнаго интереса: она не пройдетъ безслѣдно, вызвавъ, надѣемся, обменъ мнѣній, который въ результатѣ долженъ привнести кое-что новое въ наши обычныя представленія о жизни древней Руси X—XII вв.

Владиміръ Пархоменко.

Г. Тифлисъ.

19—20 октября 1913. г.

Отвѣтъ проф. Е. Θ. Будде.

Прочитавъ рецензію Е. Θ. Будде²⁾ на I-й томъ академическаго изданія «Сочиненій М. Д. Чулкова» съ текстомъ «Собранія разныхъ пѣсенъ» (Спб. 1770) I—III частей съ Прибавленіемъ, спѣшу поблагодарить уважаемаго профессора за лестное его вниманіе, оказанное означенному труду и вообще мнѣ какъ редактору изданія подлиннаго «Чул-

1) О чемъ свидѣтельствуютъ приводимыя и нашимъ авторомъ многія данныя изъ тогдашней жизни Кіево-Печерскаго монастыря, почему-то имъ въ этомъ смыслѣ не уясненныя.

2) Помѣщенную въ Извѣстіяхъ Отдѣл. русск. яз. и слов. И. Ак. Н. т. XVIII (1913), кн. 3, стр. 397—402.